

№ 190-й

№ 190-й.

ТАГАНРОГСКИЙ ВѢСТНИКЪ

Телефонъ типографіи № 85.

политическая и общественно-литературная газета.

Телефонъ редакціи № 85.

Годъ XXIII

Среда, 21 іюля 1904 года.

Годъ XXIII

А. П. Чеховъ у Л. Н. Толстого.

Мнѣ не выпало счастья близко сойтись съ покойнымъ А. П. Чеховымъ, не приходилось и переписываться съ нимъ. За все время я получилъ отъ него одно только письмо изъ Москвы, писанное накануне его отъѣзда за границу, откуда ему не суждено было возвратиться живымъ. Онъ благодарилъ меня за присланную ему книжку и выражалъ такую теплую сердечность и добродушіе, на что я никакъ не рассчитывалъ. Видѣть же мнѣ его приходилось. Последний разъ я видѣлъ прошедшей зимой въ московской литературской «средѣ» у Н. Д. Телешева. Онъ былъ очень милъ, общителенъ, рассказывалъ кое-что о себѣ, о своихъ первыхъ неудачахъ на литературномъ поприщѣ, но внѣшній видъ его былъ—видъ страдальца. Недугъ сдѣлалъ свое дѣло и до того исказилъ его человѣческій обликъ, что, глядя на него, какъ-то не вѣрилось—неужели это прежній Антонъ Павловичъ? Прежде всего поражала его худоба. У него, казалось, не было груди и живота. Костюмъ на немъ висѣлъ, какъ на вѣшалкѣ. Осунувшееся лицо, длинные тонкіе усы и острая борода, говорили, что

это мумія, одухотворенныя мощи, но не живой человѣкъ.

Прежде я его видывалъ не такимъ. Это было, кажется, въ 1896 году. Пріѣхавъ погостить къ одному своему знакомому, проживавшему то лѣто, ради близости съ Л. Н. Толстымъ въ одной тульской деревнѣ, въ пяти верстахъ отъ Ясной Поляны, я узналъ отъ него, что въ Ясную на дняхъ ожидается А. П. Чеховъ. Мнѣ очень хотѣлось встрѣтиться съ нимъ. До сихъ поръ я его видѣлъ только одинъ разъ, за годъ или за два передъ тѣмъ, въ редакціи изданій «Посредника». Это было зимой. Мы бесѣдовали съ Ив. И. Горбуновымъ, какъ кто то позвонилъ и въ редакціонную комнату вошелъ господинъ выше средняго роста, съ какимъ-то сверткомъ. Не смотря на то, что я видѣлъ передъ этимъ разные портреты А. П., я не думалъ, что это могъ быть онъ. Думая, что это одинъ изъ многочисленныхъ посѣтителей редакціи, я ушелъ въ другую комнату. Черезъ минуту ко мнѣ вошелъ И. И. и, взявши меня за руку, со словами «пойдемте, я васъ познакомлю», позвалъ меня въ редакціонную комнату. Отрекомендовавъ меня, онъ назвалъ мнѣ гостя; гость былъ Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Я настолько растерялся отъ неожиданности, что не нашелся, что-

бы заговорить съ А. П., и сосредоточился весь на созерцаніи тогда уже очень уважаемаго писателя, недавно подарившаго русское общество «Палатой № 6». «Посредникъ», начинавшій тогда серію интеллигентныхъ изданій и изъ всей новѣйшей литературы останавливавшійся на вещахъ, заключавшихъ въ себѣ наиболѣе гуманитарныя идеи, больше всѣхъ нашелъ такихъ писаній у Антона Павловича. Имъ изданы были отдѣльно его рассказы «Именины», «Жена», «Палата № 6» и включено нѣсколько рассказовъ въ сборники. Нѣсколько рассказовъ Антона Павловича были взяты имъ и для народной серіи и не издаются теперь только потому, что этого не разрѣшаетъ г. Марксъ. На этотъ разъ Антонъ Павловичъ привезъ рукопись сельскохозяйственнаго словаря «За-крокъ», составленнаго его братомъ М. П. Чеховымъ и въ послѣдствіи изданнаго редакціей журнала «Русск. Мысль», и оттискъ только что появившагося рассказа «Черный монахъ». Объ этомъ рассказѣ уже появились рецензіи: эти рецензіи очень не удовлетворили А. П. Онъ ходилъ по комнатѣ и рассказывалъ, въ чемъ сущность его рассказа и въ чемъ его не поняли. Я не читалъ тогда сказа, и не могъ понять, чѣмъ тогда разогорчили Ант. Пав., но

хорошо помню, что онъ былъ крайне недоволенъ появившимися рецензіями.

Послѣ того Ант. Пав. напечаталъ нѣсколько рассказовъ въ «Русской Мысли», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», и съ каждой новой вещью талантъ его проявлялся все рельефнѣй и рельефнѣй. При моихъ встрѣчахъ со Л. Н. Толстымъ и разговорахъ съ нимъ о Чеховѣ, Л. Н. всегда восхищался его изобразительностью. Онъ называлъ его инструментомъ изумительнымъ??. Нѣкоторыя вещи не удовлетворяли его въ цѣломъ, но онъ останавливался на частностяхъ, и съ любовью вспоминалъ ихъ и прочитывалъ.

Въ то время, когда въ Ясную Поляну ожидался Чеховъ, Л. Н. работалъ надъ «Воскресеніемъ». Можно было ожидать, что онъ покажетъ свою работу А. П. Это еще болѣе возбуждало интересъ посѣщенія Ясной. Вскорѣ я, къ своему безграничному удовольствію, узналъ, что А. П. пріѣхалъ въ Ясную Поляну, и что сегодня предполагается чтеніе первыхъ главъ «Воскресенія».

Мы пріѣхали въ Ясную во время обѣда. А. П. сидѣлъ рядомъ со Львомъ Николаевичемъ и время отъ времени заводилъ съ нимъ разговоръ. Хотя онъ уже и былъ подверженъ своему недугу, но выглядывалъ такимъ молодцомъ,

что на него пріятно было глядѣть. Молодой, красивый, онъ имѣлъ такой спокойно серьезный видъ, и столько въ немъ было достоинства!

Послѣ обѣда предположено было итти читать «Воскресеніе». Л. Н. пошелъ отдохнуть, а мы, человѣкъ пять или шесть, отправились въ укромный уголокъ и расположились читать. Сначала читалъ В. Г. Чертковъ, потомъ его смѣнилъ И. И. Горбуновъ. Между слушателями былъ одинъ изъ сыновей Л. Н., который слушалъ рассказъ не совсѣмъ спокойно. Его возмущала офицерская среда, описываемая его отцомъ; онъ обращался къ В. Г. Черткову, бывшему гвардейскому офицеру—неужели большинство офицеровъ такіе? Но А. П. слушалъ чтеніе спокойно, внимательно молча. Читали, кажется, часа два. По окончаніи чтенія пошли въ домъ, внизъ, въ кабинетъ Л. Н. Л. Н. всталъ и съ любопытствомъ ожидалъ, что ему скажутъ по поводу его новой работы.

Антонъ Павловичъ тихо и спокойно сталъ говорить, что все очень хорошо. Особенно правдиво схвачена картина суда. Онъ только недавно самъ отбывалъ обязанности присяжнаго засѣдателя и видѣлъ своими глазами отношеніе судей къ дѣлу; всѣ зачатки были побочными интересами,

не тѣмъ, что имъ приходилось разрѣшать. Напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ, которое шло въ очередную сессию, адвокатъ или прокуроръ вмѣсто разбирательства дѣла обратилъ съ дефирамбами къ сидѣвшему на скамьѣ присяжныхъ заседателей Антону Павловичу. Очень вѣрно и то, что купца отравили, а не иначе какъ прикончили съ нимъ. Во время его бытности на Сахалинѣ, онъ видѣлъ, что большинство женщинъ-каторжанокъ сосланы именно за отравленіе. Невѣрнымъ же ему показалось одно, что Маслову приговорили къ 2 годамъ каторги. На такой малый срокъ къ каторгѣ не приговариваютъ. Самый меньшій срокъ—четыре года. Левъ Николаевичъ принялъ это, и въ послѣдствіи исправилъ свою ошибку. Послѣ этого пили чай. С. И. Тагѣевъ, жившій въ то время въ Ясной, игралъ на рояли, и день кончился.

Не знаю, былъ ли А. П. послѣ въ Ясной Полянѣ. Изрѣдка навѣщая Л. Н., я его по крайней мѣрѣ тамъ не встрѣчалъ. Но его писанія встрѣчались тамъ всегда очень радушно. За нимъ слѣдили, читали, разбирали. Помню, какъ Л. Н. восхищался его небольшимъ рассказомъ «Супруги», напечатаннымъ въ сборникѣ общества любителей россійской словесности «Починъ», хвалили раз

сказъ «На подводѣ», напечатанный въ «Рус. Вѣд.». «Душечку», же появившуюся въ «Семьѣ», онъ перечитывалъ нѣсколько разъ и говорилъ, что это такая прелесть, какой не скоро найдешь не только у другихъ писателей, но и у Чехова. «Моя жизнь» понравилась Л. Н. не въ цѣломъ, а мѣстами. Онъ считаетъ, что прототипомъ героя А. П. послужилъ небезызвѣстный опрощенецъ князь В. В. Вяземскій, вызвавшій когда-то цѣлый шумъ въ печати. Одни считали его святымъ, другіе высокопробнымъ грѣшникомъ. Не по сердцу пришлись Л. Н. и «Мужики», хотя его болѣе возмущалъ шумъ, поднятый по поводу ихъ въ печати, гдѣ большая часть русской интеллигенціи съ восторгомъ принимала мужиковъ такіе ми, какіе они есть у Чехова, и не могла понять, что эти мужики списаны только съ одной исключительной подмосковной мѣстности, и по нимъ нельзя обобщать всѣхъ русскихъ мужиковъ. Онъ говорилъ, что эти народолюбцы никогда не любили народа, не знали его, и не желаютъ знать; мужики нужны имъ какъ отвлеченная абстракція для опоры въ своей борьбѣ и полемикѣ. Оттого—весь восторгъ по поводу «Мужиковъ». Не удовлетворяли, какъ извѣстно, Л. Н. и пьесы А. П. Онъ находилъ,

что цѣль драматическихъ произведеній новыхъ формъ ошибочна. «Для того, чтобы вызвать настроеніе, говорилъ онъ однажды, нужно лирическое стихотвореніе, драматическая же форма служить и должна служить другимъ цѣлямъ. Въ драматическомъ произведеніи должно поставить какой-нибудь еще не разрѣшенный людьми вопросъ и заставить его разрѣшать каждое дѣйствующее лицо сообразно его внутреннимъ даннымъ. Это опыты лабораторіи У Чехова же этого нѣтъ. Онъ не заинтересовываетъ въ пьесахъ настолько, чтобы отдаться ему. Онъ останавливаетъ, напримѣръ, вниманіе зрителя на судьбѣ несчастныхъ дяди Вани и доктора Астрова, но жалѣетъ ихъ только потому, что они несчастны—не обосновавши вовсе, заслуживаютъ ли они состраданія. Онъ заставляетъ ихъ говорить, что они были когда-то самыми лучшими людьми въ уѣздѣ—но чѣмъ они были хороши, онъ не показываетъ.—А мнѣ кажется,—говорилъ Л. Н.,—они всегда были дрянными и ничтожными, поэтому ихъ страданія не могутъ быть достойны вниманія.

Когда вышелъ первый томъ рассказовъ Чехова въ изданіи Маркса, Л. Н. съ большимъ вниманіемъ остановился на юморѣ Чехова. Онъ говорилъ, что въ наше

время онъ первоклассный юмористъ. Въ прошломъ съ нимъ могли сравниться только Гоголь и Слѣпцовъ. Рассказъ «Драма» до того восхищалъ Л. Н., что онъ его рассказывалъ безчисленное число разъ и всегда смѣялся отъ всей души. Восхищали его и дѣтскія фигуры Чехова, вродѣ «Ваньки», пишущаго письмо къ дѣду. И только нѣкоторыя изъ юмористическихъ вещей ему казались непонятными, какъ, напримѣръ, «Романъ съ контрабасомъ» и «Скорая помощь». Надъ чѣмъ тутъ смѣяться?—говорилъ Левъ Николаевичъ по поводу послѣдняго рассказа.

Нехорошимъ казалось Л. Н. отношеніе къ женщинѣ въ рассказахъ А. П.; «Дурочка» и «Вѣдьма», напоминающія Л. Н. «Тамань» Лермонтова, очень хорошо изображены. Въ большинствѣ же случаевъ Чеховъ не любитъ женщину и не понимаетъ ее. По крайней мѣрѣ, онъ изображалъ ее со стороны одной чувственности. Это сужденіе великаго писателя очень естественно.

Давши обществу образы Наташи Ростовоы, Китти Левиной, Долли Облонской, Марьи Николаевны, Катюши Масловой и видя у своихъ современныхъ писателей Лизу изъ «Дворянскаго гнѣзда», Ольгу изъ «Обломова», Вѣру и Марфиньку изъ «Обрыва»,

—Лизу Николаевичу женщины Чехова, конечно, должны казаться мелкими и ничтожными—но, вѣдь, всякому свое поле для наблюденій предоставляетъ судьба. Наверное покойный Чеховъ своихъ женщинъ не сочинялъ.

И, несмотря на всѣ эти недостатки Чехова, Л. Н. недавно, совсемъ наканунѣ похоронъ Чехова, когда зашелъ разговоръ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ новыхъ писателей, выразился такъ: «Все это не то. Чеховъ незаменимъ. Его съ удовольствіемъ не только читаешь, но и перечитываешь, а это и для Диккенса, напримѣръ, не всегда возможно». И, узнавши, что у одного изъ сыновей есть сборникъ съ «Вишневымъ садомъ», онъ проговорилъ: «Ахъ, съ какимъ удовольствіемъ я его прочитаю».

«Русь».

С. Самозновъ.

